

НОВЫЕ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ НА:
ОСНОВОПОЛОЖНИК РОССИЙСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИК
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШЕГРЕН. ИССЛЕДОВАНИЕ.
ТЕКСТЫ. М., 2010, 952 с.

(Составление, текстологическая подготовка рукописных материалов А. М. Шегрена из архивов С.-Петербурга и Хельсинки. «Введение», статья «Академик А. М. Шегрен – основоположник российского академического кавказоведения» и аннотированный «Указатель имен» А. И. Алиевой)

Т.А. ГУРИЕВ

Под грифом Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук из печати одновременно вышли два солидных тома. Один из них «А.М. Шегрен. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским». Это – ротапринтное издание известной работы А.М. Шегрена, впервые опубликованная в 1844 году. Данное издание в точности воспроизводит первое издание. Правда, в качестве послесловия к нему прилагается статья его редактора М.И. Исаева – «Академик А.М. Шегрен – исследователь осетинского языка». Автор статьи останавливается на основных вехах развития осетинского языкознания, на роли Андрея Михайловича в становлении науки об осетинском языке. Почти вся статья является воспроизведением соответствующего раздела его кратких «Очерков истории изучения осетинского языка» [1].

Мимоходом заметим, что подобное ротапринтное издание – воспроизведение «Осетинской грамматики» – вышло годом раньше в одном из престижных издательств в превосходном полиграфическом исполнении.

Второй том, название которого вынесено в заглавие нашей рецензии, является своеобразным знаковым событием в истории отечественной науки. В данном тщательно выполненном исследовании А.М. Шегрен впервые предстает как основоположник российского академического кавказоведения. И в этом огромная заслуга А.И. Алиевой, скрупулезно собравшей и подвергшей внимательному анализу известные и доселе неизвестные работы А.М. Шегрена.

Во «Введении» А.И. Алиева справедливо замечает, что прежде творчество А.М. Шегрена рассматривалось в узком формате: исследователи концентрировали свое внимание на тех вопросах в наследии ученого, которыми они сами интересовались и «нередко сознательно отсекали все, что относится к другим народам», что по этой причине «А.М. Шегрен предстает то только грузиноведом, то только осетиноведом, то только адыговедом», хотя он многое сделал «для изучения разных народов Северного Кавказа» (с. 9). Далее автор пишет: «Впервые проведенное исследование всей совокупности опубликованных и рукописных кавказоведческих трудов

А. М. Шегрена позволило составить реальное представление об истинных масштабах вклада ученого в возникновение и развитие российского академического кавказоведения в первой половине XIX в.» (с. 9).

Собственно сочинениям А. М. Шегрена предпослана объемная (с. 12-161), чрезвычайно информативная статья А. И. Алиевой «Академик А. М. Шегрен – основоположник российского академического кавказоведения». В ней автор всесторонне обосновывает положение, выраженное в заглавии указанной статьи. Сама статья состоит из следующих разделов: «Изучение кавказоведческого наследия А. М. Шегрена в Финляндии и в России», «Опубликованные и рукописные труды ученого по Кавказу в Финляндии и в России», «Начало пути», «Замысел и подготовка к экспедиции на Кавказ и в Крым», «Реализация программы экспедиции: изучение народов Кавказа и их языков», «Поиски и находки», «Знакомство с историческими и христианскими памятниками на Кавказе», «Изучение этнографии, фольклора, религиозных представлений народов Кавказа», «Трудности пути», «Исследовательская и научно-координационная работа А. М. Шегрена».

Данная статья позволяет нам заглянуть в творческую лабораторию ее автора. А. И. Алиева собрала огромный материал о жизни и творчестве А. М. Шегрена и подвергла его тщательному анализу.

А. И. Алиева ввела в научный оборот богатый корпус опубликованных и рукописных кавказоведческих трудов А. М. Шегрена и на их основе строит свою концепцию об истоках академического кавказоведения.

С большим интересом читатель ознакомится с содержанием последующих разделов книги: «Дневник А. М. Шегрена с сентября 1835 до января 1838 г.» (с. 164-293), «Письма А. М. Шегрена с Кавказа» (с. 294-334), «Письма А. М. Шегрена с Кавказа» (с. 335-383), «Труды А. М. Шегрена, посвященные осетинскому языку» (сюда вошло исследование «Осетинские штудии с особой оглядкой на индоевропейские языки», а также «Из рукописного

наследия А. М. Шегрена», куда включены отзывы ученого на переводы «Псалтиря» с русского языка на осетинский, «Труды А. М. Шегрена, посвященные адыгским языкам» (в раздел вошли рукописи, рецензии и т.н. «донесения», в котором дается описание 16 различных документов, оставленных Ш. Б. Ногмовым).

В разделе «Приложения» приводятся тексты рукописей работ Ш. Б. Ногмова «Начальные правила атыхейской грамматики» и «Начальные правила кабардинской грамматики», работа А. М. Шегрена «Мой путь в науке».

В конце книги приводится аннотированный справочник – «Указатель имен».

Каждому разделу книги предшествует краткий очерк А. И. Алиевой.

Приведенные в книге материалы свидетельствуют о кипучей деятельности А. М. Шегрена, о его многочисленных творческих связях с представителями разных кавказских народов. Из них мы узнаем, например, о близких, дружеских отношениях ученого с Ш. Б. Ногмовым – выдающимся кабардинским просветителем. «В его (т.е. Ногмова) доме я провел несколько дней», – писал А. М. Шегрен своему коллеге академику Ф. И. Кругу (с. 333). А в письме к А. А. Френу он информировал адресата, что «этот образованный черкес в последнее время занят работой над грамматикой» и что он пригласил его в Пятигорск, где в то время А. М. Шегрен жил. «Он гостил у меня в доме две недели, в течение которых я сделал выписки из его «Грамматики», а также «воспользовался его устными объяснениями и его комментариями всего того, что казалось мне непонятным и сомнительным» (с. 303).

Большой интерес представляет раздел «Труды А. М. Шегрена, посвященные адыгским языкам». В него вошли работы самого А. М. Шегрена, в которых даются оценки работам Ш. Б. Ногмова, рукописи сочинения Леонтия Люлье «Словарь русско-черкесский или адыгский с краткою грамматикою» 1946 года. К данному разделу прилагается подраздел «Приложения», состоящий из вводной статьи А. И. Алиевой «Первая

грамматика кабардинского языка». В ней автор излагает историю рукописей сочинений Ш.Б. Ногмова, которые приводятся в ротапринтном издании (с. 511-741).

Особое место в многогранном творческом наследии А.М. Шегрена занимают его упомянутые выше «Осетинские штудии с особой оглядкой на индоевропейские языки». Содержание «Осетинских штудий» он изложил в своем докладе на собрании учёных 4 июня 1847 года. Полностью работа была опубликована на немецком языке в 1848 году; (см.: с. 446). Под заглавием сочинения стоит многообещающее «Erste Lieferung».

В начале своего труда А.М. Шегрен писал, что в «Осетинской грамматике» он стремился «как можно полнее и достовернее представить грамматические особенности осетинского языка на основании их досконального и добросовестного изучения в полевых условиях на Кавказе», и что в предлагаемой работе он намеревался «рассмотреть осетинский язык с другой точки зрения, а именно в рамках сравнительного языкознания, сопоставляя его, таким образом, с другими, прежде всего индоевропейскими языками, чтобы выяснить его соотношение с ними» (с. 386).

В «Осетинских штудиях» А.М. Шегрен предстает перед нами как последователь Ф. Боппа, Я. Гримма, А. Потта, других выдающихся представителей индоевропейской компаративистики. В них автор ввел осетинский материал в сравнительное индоевропейское языкознание и тем самым обогатил его. Правда, в данном первом выпуске «Осетинских штудий» А.М. Шегрен рассмотрел лишь вопросы осетинского вокализма, уделив особое внимание иронско-дигорским диалектным фонетическим соответствиям. А.М. Шегрен, видимо, планировал продолжить свою работу над «Осетинскими штудиями».

В «Штудиях» А.М. Шегрен сопоставляет осетинские слова с соответствующими словами в родственных и неродственных языках, предлагает свои этимологии слов. И те, и другие представляют определенный интерес и требуют специального анализа.

Здесь же мы пока отметим, что А.М. Шегрен был одним из тех учёных, которые не могли не интересоваться историей слов и собственных имен. Этот интерес проявился и в других его сочинениях; ср., например, его этимологию слов и собственных имен: лсегъуз, дзул, Курдалагон, Дживисхан и другие, которые были нами рассмотрены. Интерес автора к истории осетинских слов вполне понятен.

Вспоминаются слова австрийского учёного Гуто Шухардта (1842-1927) о том, что этимологизирование является одним из древнейших человеческих занятий. «У каждого из нас, убежденного в истинности наших построений, эти построения находятся в связи со множеством прочих знаний всякого рода, составляя вместе с ними как бы мозаичную картину, полное подобие которой не встречается нигде, – писал он, – нет ни одной области науки, столь богатой индивидуальным и индивидуальностями, как этимологические исследования» [2, 268]. Ученый высмеял коллег, которые уделяли этимологизации мало внимания, и объяснял это «недостатком дарования».

У А.М. Шегрена, владевшего многими древними и новыми языками, было достаточно знаний и дарований для успешного проведения этимологических исследований.

В рецензируемой книге все разделы одинаково важны по значимости. И, тем не менее, считаем необходимым обратить внимание читателя на раздел «А.М. Шегрен. Мой путь в науке» (перевод с финского И.Ю. Марциной и Э.Г. Рахимовой). Содержание этого раздела значительно обогащает корпус сведений о жизни и творчестве А.М. Шегрена, приведенных в предшествующих разделах. В совокупности они составляют своеобразную научную «Шегрениану». Путь учёного в науке изобиловал неожиданными поворотами и коллизиями, но в общем Фортуна была к нему благосклонна, от чего выиграло кавказоведение и, особенно, осетиноведение.

Нет сомнения, что рецензируемая работа является значительным событием в кавказоведении. К сожалению, она вышла

весьма ограниченным тиражом (всего 500 экземпляров!), что никак не может удовлетворить потребности большой, творчески активной армии кавказоведов. (Видимо, следует подумать о следующем издании работы).

К основному тексту книги прилагается аннотированный указатель имен. Последний требует некоторой доработки. О многих лицах, упоминаемых в указателе, нет никаких сведений. Данные об отдельных лицах, по вполне понятным причинам, трудно добывать. Но в перечень фигурантов попали и известные личности. Например, на с. 945 приводится «голое» имя Pott Th. (Здесь Th. – досадная техническая ошибка). А ведь он, Август Фридрих Потт (1802–1887), был одним из столпов индоевропейской компаративистики, признанным «отцом» научной этимологии и т.п.

Приведем еще один пример подобного рода.

В своих «Штудиях» А. М. Шегрен солся на одну работу Böhtlingk'a (с. 392). В аннотированном справочнике фамилия ученого подается в «голом» виде и с ошибкой в написании – Böthlingk (с. 946). Перед нами же Otton Böhtlingk – выдающийся немецко-русский ученый, санскритолог, тюрколог, монголовед и т.п. (в отечественной литературе он известен как Отто Николаевич Бетлингк).

Примеров, подобных приведенным нами, в упомянутом справочнике довольно много.

Комментатор упрекает А. М. Шегрена в том, что «есть в его дневнике и случаи разного написания одного и того же названия» (с. 164). К таковым он относит Ардон и Архон. Но эти названия, в действительности, разные.

Во «Введении» говорится, что «А. М. Шегрен успел завершить и издать лишь труды, посвященные осетинскому языку (с. 5). Увы, ученый успел завершить лишь первую часть своих «Осетинских штудий», о чем говорилось выше.

В рецензируемой работе много внимания уделено алфавиту, созданному А. М. Шегреном на основе русского граж-

данского алфавита. При этом подчеркивается мысль о том, что он руководствовался в своем выборе интересами осетинского народа, «будущей судьбой самих осетин». Возражений против данного положения, конечно же, не может быть. Однако некоторые авторы представляют дело не совсем корректно.

В статье редактора рассматриваемых двух томов говорится, что церковнославянский алфавит, на котором был напечатан перевод «Псалтиря» в 1798 году, был составлен архиереем Гаем, что Иоанн Ялгузидзе составил осетинский алфавит на основе грузинского, что А. М. Шегрен в своей «Грамматике» предложил более совершенный алфавит, основанный на буквах русской гражданской азбуки» [1, 5].

Приведенные строки содержат ряд спорных положений.

Начнем с того, что переводчиком упомянутого «Катехизиса» был не Гай, который издал работу, а Пауле Кесаев (Хъесаты Пауле), что вполне убедительно доказал профессор Б. А. Алборов (см.: [3]). А. М. Шегрен предложил свою азбуку не в «Осетинской грамматике» 1844 года, а гораздо раньше. В апреле 1836 года А. М. Шегрен писал, что он «уже подготовил в общих чертах осетинский алфавит на основе русской». Интересно, что уже в сентябре того же года смотритель Тифлисской духовной семинарии официально попросил свое руководство позволить ему «переводить оный же катехизис на здешнем языке... а писать русскими буквами, составленными г. Шегреном» (см.: [4, 128-129]). В. С. Толстой – декабрист, сосланный на Кавказ и впоследствии служивший чиновником по особым поручениям при двух наместниках Кавказа, – в своих воспоминаниях писал, что он «предложил перевести богослужение с словенского на осетинский, употребляя азбуку Шегрена», а перевод катехизиса был поручен Владикавказскому благочинному А. Колиеву [5, 42-43]. Вряд ли об этом знал сам А. М. Шегрен.

А. М. Шегрен был предельно объективен, когда он предложил свой вариант осетинского алфавита. Он сознавал, что

грузинский алфавит обладал определенными данными для вполне адекватного выражения звуков осетинского языка. (Считается, что создателем осетинского алфавита на основе грузинского письма был И. Ялгузидзе. Есть, однако, сведения о публикации переводов религиозных текстов на осетинском языке грузинским письмом задолго до И. Ялгузидзе – см.: [6]). Вот что писал А. М. Шегрен в предисловии к своей «Осетинской грамматике»: «Мне надобно было... избрать алфавит или Русский или Грузинский. Соображая как будущую судьбу самих Осетинов, так и предпочтительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое, я решился на вернейший и лучший успех принять за основание *Русский алфавит, несмотря на то, что Грузинский, кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков Осетинскому языку свойственных, почему и Ялгузидзе не находил нужным придумать*

более 3 новых букв» (курсив мой. – Т. Г.) [7, XVI-XVII].

Полагаем, что приведенные слова академика А. М. Шегрена в комментариях не нуждаются.

В раздел «Приложения» включены рукописи сочинений Ш. Б. Ногмова в ротапринтном виде (с. 509-741). Ценность рукописей выдающегося просветителя несомненна. Вызывает сомнение целесообразность их публикаций в рецензируемом сборнике исследований и текстов сочинений А. М. Шегрена в приводимой форме.

К сожалению, в книге много досадных опечаток.

Мы, в силу ряда причин, остановились лишь на некоторых аспектах чрезвычайно богатого, многогранного творческого наследия А. М. Шегрена, превосходно показанного в рецензируемой работе и положившего начало развитию нового направления в мировой науке – академическому кавказоведению.

-
1. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974.
 2. Шухардт Г. Избранные статьи по языкоznанию. М., 1950.
 3. Алборов В. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
 4. Уарзиати В. С. Осетиноведческие штудии академика А. М. Шегрена // А. М. Шегрен. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.
 5. Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.
 6. Гуриев Т. А. О поэте из Куртатии? // Горный ветер. Владикавказ, 2005. № 7-8.
 7. Шегрен А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским. СПб., 1844.